

УДК 008(470.1/.2-21)(091)+911.3(082)

***ТЕРЕБИХИН Николай Михайлович**, доктор философских наук, профессор, директор Центра сравнительного религиоведения и этносемиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 273 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий и двух учебно-методических пособий*

АРХАИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ЛАНДШАФТНО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЙ СЕМИОСФЕРЕ СЕВЕРНОГО ГОРОДА¹

В статье представлен анализ манифестации архаического сакрального наследия в ландшафтно-топографической семиосфере исторических городов Северной России. Автор развивает «космогоническую модель построения города» и отмечает особую роль мифа и ритуала «строительного жертвоприношения» в конструировании, сохранении и защите священного пространства города. Важное место в статье отводится исследованию элементов «природного каркаса» северного города.

***Ключевые слова:** архаическое наследие, ландшафт, топография, семиосфера, северный город, миф, ритуал, космогония, сакральная география, Древний Рим.*

Сакральная география демонстрирует поразительное единообразие ландшафтно-топографической семиосферы городских центров Северной России, изначальное место для основания (закладки) которых избиралось там, где некогда «разверзлись хляби небесные» и, по выражению Ф. Сологуба, «земные топи непролазны» (низкие пойменные речные мысы и излучины, котловины, затопляемые при весеннем половодье островные «холмогория», болота). Классический случай – закладка Санкт-Петербурга в эпицентре безбрежной

водно-болотно-островной чухонской ойкумены – «нево». Петербургская утопия, безместность и неуместность умышленной столицы Руси на краю света зачастую объясняется «гениальной ошибкой» Петра Великого, который стремился преодолеть свой «старорусский» сухопутный синдром водобоязни-аквафобии и вывести Россию молодую к невиским («новым» или «болотным») берегам Балтики, придать ей геополитический статус морской державы. Метагеография и метаистория Петербурга основоположена образом камня-Петра как гра-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и правительства Архангельской области (проект № 12-13-29004 а/С «Образы финно-угорского, скандинавского и русского православного наследия в этнокультурном ландшафте Поморья»).

достроительной жертвы, утопленной при закладке города в болотной пучине. «Петербург – каменный город. Но его камень – не скала, не подвижная твердь и опора, а нечто зыбкое, камень на болоте. По финской легенде, приводимой Одоевским, при строительстве города закладные камни уходили и уходили в топь, пока Петр не простер ладонь, на которой потом и был выстроен город. Ладонь потом была убрана, а город остался. Город без фундамента, без основания» [10, с. 152].

В низкой заболоченной пойме, обрамленной старичными руслами, мелкими озерами, болотами и ручьями, раскинулась древняя столица Заволочья – Великий Устюг, отдельные низменные части которого почти ежегодно во время весеннего паводка уходят под воду, превращая на время город в архипелаг. Сакральная гидрография Устюга запечатлена в гербе города: здесь изображен Нептун-Водолей, изливающий из двух красных кувшинов («котлов») воды Сухоны и Юга, которые дают начало величавой Северной Двине, впадающей в «великое море-акиан, в Соловецкую пучину».

Устюжская символика возлияния-излияния вод из чаши соотносится с семантикой жертвенного сосуда-котла, отмеченного в локальной мифологии, топонимии и геральдике Кронштадта (о. Котлин), Казани, Котельнича (Вятская губерния), арктического о. Котельный и т. д. Мифологическая история «котельных» городов и весей начинается с обретения жертвенного котла, который не только дает имя новому месту-городу, но и определяет «низменный», «котловидный» облик его ландшафтного профиля, что отражено, в частности, в эмблематике и геральдике Великого Устюга, герб которого украшает его водный покровитель Нептун-Водолей.

Поза подателя земных и небесных вод, возлежащего на краю водного потока, повторяет горизонтально-вертикальное измерение устюжского новоиерусалимского пейзажа.левой рукой («шуйцей») он опирается на возвышение, соответствующее в ландшафтном тексте Устюга Красной горе, увенчанной в 1262 году

монастырским ансамблем во имя Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, образ которого в зодиакальной символике соотносается с созвездием Водолея. Сложение образов Водолея и Иоанна Предтечи в иконографии устюжского герба вводит в сакральную топографию города христианские мотивы: Крещения (ритуального омовения, погружения в воды Иордана); мученичества (на гербе голова Нептуна увенчана лавровым венком – знаменем мученичества в христианстве); жертвенности (усекновения главы Иоанна Предтечи, ее обретения и погребения в сосуде в недрах горы Елеон). Красная (Соколя) гора в Иерусалимской символике Устюга – это и Лобное место (Голгофа) города, его и ему Поклонная гора. В устюжской ландшафтно-топографической семиосфере водно-болотная стихия пропитывает не только нисходящие (горизонтальные), но и восходящие (вертикальные) проекции пространственно-семантической сети города, образуя на его главной Иоанновской горе «обширное верховое Трепагино (Богородское) болото, которое служит источником многочисленных ручьев, образующих у подножия Красной горы систему болот и мелких озер» [11, с. 17].

Водно-островной, низменно-болотный рельеф местности определил семиотику природно-культурного ландшафта Холмогор – древнего городского центра Поморья, который, по новгородской храмоздательской заповеди «Где София, там и Новгород», явился со своим Спасо-Преображенским собором символическим восприемником Великого Новгорода, именовавшегося славянами Холм-городом, а скандинавами – Хольмгардом [2]. Холмогоры расположены в обширной дельте или в холмогорском расширении Двины, которое представляет собой разветвленную сеть островов, рукавов и протоков, что придает пейзажу холмогорской котловины облик архипелага. Островная семантика древнескандинавского «hólm» позволила некоторым исследователям связать новгородский Хольмгард с Холмогорами как гипотетическим центром не менее предположительной страны Края Земли – Биармии.

Восхищенный холмо-горней красотой отчего края, взрастившего гений М.В. Ломоносова, его преданный агиограф и историограф – священник А.Н. Грандильевский красочно живописал водно-островную геопанораму Холмогорской дельты: «Особенно хороша картина является при весеннем таянии снегов, когда реки, сорвав свои оковы, превращают родину Ломоносова в безбрежное море воды, тогда села кажутся чудными островами <...> Нет, по-видимому, предела этому гладкому водяному простору, куда ни посмотри, всюду стелется он, безбрежный, сверкающий, грозный, тогда и высокие холмы кажутся низменностями...» [1, с. 157]. По мнению Грандильевского, романтического и страстного открывателя чудских (биармийских) древностей края, «производить наименование Холмогор от “холмы да горы” не позволяет даже самая местность, так как она очень низменна, а если вблизи и находятся кое-какие холмы, то они весьма незначительны и во время весенних водоразливов сглаживаются [1, с. 165]. Вслед за П.С. Ефименко, он связывал этимологию топонима Холмогоры с языком чудских аборигенов северного края, с их хтонической картиной мира мертвых, что, возможно, через ритуальный мотив человеческого жертвоприношения соотносит геопозитический сакральный образ города (акрополя) с низменным водно-болотным пространством смерти (некрополя).

Холмогорский архипелаг предваряет, предшествует собственно дельте Северной Двины, которая, подобно устью Нила, имеет классический веерообразный, дельтовидный контур треугольника, у вершины которого был основан Архангельск в образе Новохолмогорского города. Новый город, дугообразно вытянувшийся узкой полоской вдоль двинского берега, со всех сторон был окружен водно-островной, болотной стихией, геопозитический мотив укрощения которой сформировал ландшафтный топохрон архангелогородского мифа, разыгрывавшегося как у истоков Северной Двины (Великий Устюг – «первый», «старый» Архангельск), так и в ее устье, в «новом» городе

Архангела Михаила, что превращало всю Двину в реку эсхатологического истока – исхода «в море-акиан, в пучину Соловецкую».

Водно-островной болотный ландшафт исторического ядра северного города обусловлен не рациональными утилитарными мотивами его защиты от внешней угрозы, но сакральным осмыслением как самого «природного каркаса» (М.Е. Кулешова) изначального городского месторазвития (вода, остров-мыс, болото), так и его ритуальной архитектоники (иеротопия города). На значимость «болотной стихии» в архаической сакральной традиции обратил внимание А.А. Леонов, определивший архетип и архетоп болота как «“питомника” цивилизации, райской прародины человечества». Важное место в его концепции «ностратической матрицы цивилизации» занимает анализ семантики болотных городов, в т. ч. «болотных столиц Руси» – Киева, Новгорода, Москвы, Петербурга [6].

Геопозитический образ болота как первой еще «жидкой земли» широко представлен в космогонических мифах многих народов мира, в ритуальной практике болотных кладов, погребений и жертвоприношений. Артикулированная водно-болотная островная семиотика пространства городских центров Северной России есть порождение и эпифания архаического сакрального наследия, манифестация мифо-ритуального архетипа основания Первого города, вмещающий ландшафт которого включает такие природные элементы как вода, остров (холм-гора), болото. Наиболее полно весь комплекс протогородского символического наследия представлен в священной истории и географии Вечного Города – Рима, место для основания которого, по словам древних авторов и их позднейших комментаторов, было не самым подходящим. По мнению выдающегося немецкого ученого Т. Моммзена, природно-географические характеристики месторазвития семихолмного Рима были далеко не идеальными. Частые разливы реки, «массы воды, ниспадающие с гор в дождливую погоду» [8, с. 54] превращали долины и овраги между холмами

в единое водно-болотное пространство, над которым возвышались вершины семи холмов – островов архипелага Вечного Города.

По словам Фюстеля де Куланжа, древний город изначально устраивался как святилище, и «поэтому основание города было всегда актом религиозным» [9, с. 145]. Ритуал закладки Рима на холме Палатин включал участие двух братьев (священных царей – культурных героев – антагонистов), обряд очищения огнем, ауспиции, выкапывание жертвенной ямы (*mundus*) для погребения в ней праха предков, сооружение над ямой алтаря, поединок между братьями героями-эпонимами Рима, человеческое жертвоприношение, круговое опаживание – оборонение города.

Центральным символом основания нового города и государства является жертвоприношение священного царя. При закладке Рима в качестве «строительной жертвы» был избран Рем, который преступил сакральную грань неприступного и вечного города. Ритуал основания Рима, совершенный в один день 21 апреля, был назван днем рождения Города, и включен в годовой цикл римских календарных праздников. «Каждый город был святилищем, каждый город можно было назвать святым» [9, с. 152]. Существенно отметить, что ритуал закладки Рима был совершен на Палатинском холме в праздник Палилии, или Парилии, посвященный божеству Палес – покровителю или покровительнице пастухов-кочевников (Палатинский холм – от *palatium* – пастбище). В этой связи уместно вспомнить, что в индоевропейской мифологии мир мертвых представлен в образе пастбища, на котором пасется скот – души ушедших людей, которые могут возвращаться в мир живых в определенные моменты календарного цикла (в дни весеннего и осеннего равноденствий). В древнеримском празднике, посвященном божеству Палес и проводимому на Палатинском холме (на «пастбище») можно распознать алломорф архаического праздника Воскресения мертвых душ, Пасху мертвых.

Поэтому неслучайно, что в ритуальном сценарии праздника Палилии исследователи давно

уже усмотрели ту общую мифопоэтическую парадигму, породившую образно-символический код ритуала первого выгона скота на летние пастбища, который у европейских народов был приурочен к Дню Св. Георгия Победоносца (23 апреля), календарно сопоставлявшегося с праздником римских пастухов-номадов [4, с. 29]. Змееборческий мотив, лежащий в основе житийного «Чуда Георгия о Змие», демонстрирует его генетическую связь с сюжетом «основного» индоевропейского мифа о космическом поединке бога Громовержца с его хтоническим противником (мировым Змеем – драконом), итогом которого явилось освобождение стада коров, укрытых в пещере, что контаминируется с подвигом Св. Георгия, победоносно освободившего и спасшего «деву-город» (в римском контексте – это богиня Палес, которую почитали как тайную покровительницу Рима). Активное участие жриц-весталок в древнеримских Палилиях, ритуальным ядром которых являлось зажжение священного огня, указывает на «огненную» природу богини Палес (ср. значение русского слова «пал» – огонь) и позволяет отождествить ее с Вестой – богиней-хранительницей вечного огня Города и Мира.

Идеи Т. Моммзена и Ф. де Куланжа о протогороде как сакральном центре получили блестящее развитие в трудах выдающегося американского социолога и философа Льюиса Мамфорда, который сформулировал ряд продуктивных положений и предположений о закладке первых городов на островах и болотах; о том, что город мертвых предшествует городу живых; о том, что протогорода возникают в местах церемониальных собраний, где сосредотачиваются некие сверхъестественные энергии, и космическая мощь которых превосходит движение повседневных жизненных циклов [7].

Архетип вечного города, воплотившийся в римском урбанизме, позволяет проследить его манифестации в сакральной топографии исторических городов Северной России [5]. Водно-болотная островная семиотика культурного ландшафта порождена сакральной топологией «первого» города, которая вписана в герме-

невтический круг космогонических образов и символов оплотнения, сгущения и всплывания аморфного конкремента (топоса-места) из жидкообразной стихии хаоса нарождающегося мира. Эпифания топоса – места предполагает первобытную утопию, утопленность места, которое достигнув определенной плотности, отрывается от родовой пуповины и всплывает на поверхность вод (мифология плавающих островов). Поэтому архаический город всегда предстает как остров (холм), окруженный водно-болотной стихией, как точка-свиток священного пространства мироздания.

Древний северный город окружен, оборонен от внешнего мира не только дерево-земляными укреплениями, но еще и рвом, наполненным водой («водоровины», «водоиноны»). Протогород являет собой сакральный центр, ритуальную площадку, на которой разворачивается сценарий тотального ритуала жертвоприношения, включающего церемонии избрания священного правителя, суда, казни, торговли (обмен дарами-жертвами). Город основывается на холме-кургане, на Голгофе, где погребена голова «ветхого» человека (первочеловека) и потому некрополь предшествует акрополю. Символика головы (ритуал декапитации) занимает исключительно важное место в архитектонике города как образа мира (*caput mundi*). Архаический деревянный город «рубится», где его рубка соотносится с отрубанием головы

в ритуале казни-жертвоприношения. Городские стены – круглый или треугольный в плане тын-часток с насаженными на заостренные верхушки бревен жертвенными головами врагов, что, в частности, нашло отражение в русском богатырском эпосе, в ритуальной традиции кельтов, которые «непрерывно стремились обезглавить врагов, убитых ими на поле боя, и часто привязывали их отрубленные головы к шеям своих коней. Затем они насаживали эти головы на колья изгородей вокруг своих поселений или даже на крыши собственных домов» [3]. Обряд декапитации и водружения головы «поголовно разбитого» врага на вершину дерева есть алломорф космогонического ритуала жертвоприношения первочеловека на мировом древе. Тын-часток дополнялся встроенными в него срубными башнями – «кострами», сакральная этимология которых связана с ритуальными площадками, на которых возжигался жертвенный огонь.

Представленный анализ манифестаций фонда архаического сакрального наследия в ландшафтно-топографической семиосфере исторических городов Северной России не только уточняет и развивает «космогоническую модель построения города» (М. Элиаде), но и акцентирует особо значимую роль мифа и ритуала «строительного жертвоприношения» в конструировании, сохранении и защите священного пространства города.

Список литературы

1. *Грандильевский А.Н.* Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Архангельск, 2009. 336 с.
2. *Джаксон Т.Н.* Новгород в древнескандинавской письменности // *Вестн. Новгород. гос. ун-та.* 2006. № 38. С. 33–36.
3. Кельтская мифология: энциклопедия. URL: http://bookz.ru/authors/kel_tskaa-mifologia-enciklopedia/kel_tska_594/page-34-kel_tska_594.html (дата обращения: 02.06.2013).
4. *Колева Т.А.* Георгиев день у южных славян // *Сов. этнография.* 1978. № 2. С. 23–34.
5. *Лебедев Г.С.* Рим и Петербург: археология урбанизма и субстанция вечного города // *Метафизика Петербурга.* СПб., 1993. С. 47–63.
6. *Леонов А.А.* Болото – «питомник» цивилизации. URL: <http://megamatrix.ru/boloto/boloto.htm> (дата обращения: 24.05.2013).
7. *Мамфорд Л.* Город в истории. URL: http://www.ukrainica.org.ua/rus/projects/misto_i_chas/993-993 (дата обращения: 27.05.2013).
8. *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1997. 732 с.

9. Тульчинский Г.Л. Город – испытание // Метафизика Петербурга. СПб., 1993. С. 146–157.
10. Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906. 459 с.
11. Шильниковская В.П. Великий Устюг. М., 1987. 255 с.

References

1. Grandilevskiy A.N. *Rodina Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova* [The Birthplace of Mikhail Lomonosov]. Arkhangelsk, 2009. 336 p.
2. Dzhakson T.N. Novgorod v drevneskandinavskoy pis'mennosti [Novgorod in Old Norse Scripts]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 38, pp. 33–36.
3. *Kel'tskaya mifologiya: entsiklopediya* [Celtic Mythology: Encyclopedia]. Available at: http://bookz.ru/authors/kel_tskaa-mifologia-enciklopedia/kel_tska_594/page-34-kel_tska_594.html (accessed 2 June 2013).
4. Koleva T.A. Georgiev den' u yuzhnykh slavyan [Celebration of St. George's Day by Southern Slavs]. *Sovetskaya etnografiya*, 1978, no. 2, pp. 23–34.
5. Lebedev G.S. Rim i Peterburg: arkhеologiya urbanizma i substantsiya vechnogo goroda [Rome and Saint Petersburg: Urban Archeology and the Substance of the Eternal City]. *Metafizika Peterburga* [Metaphysics of Saint Petersburg]. St. Petersburg, 1993, pp. 47–63.
6. Leonov A.A. *Boloto – "pitomnik" tsivilizatsii* [Swamp – a Nursery for the Civilization]. Available at: <http://megamatrix.ru/boloto/boloto.htm> (accessed 24 May 2013).
7. Mumford L. *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. Harcourt, Brace & World, Inc., 1961. 657 p. (Russ. ed.: Mamford L. *Gorod v istorii*. Available at: http://www.ukrainica.org.ua/rus/projects/misto_i_chas/993-993 (accessed 27 May 2013)).
8. Mommsen Th. *Römische Geschichte*. Leipzig, Reimer & Hirsel, 1854–1856 (Russ. ed.: Mommzen T. *Istoriya Rima*. St. Petersburg, 1997. 732 p.).
9. Tul'chinskiy G.L. *Gorod – ispytanie* [City: An Ordeal]. *Metafizika Peterburga* [Metaphysics of Saint Petersburg]. St. Petersburg, 1993, pp. 146–157.
10. Fustel de Coulanges N.D. *La Cité antique*. Paris, 1864 (Russ. ed. Fyustel' de Kulanzh N. *Grazhdanskaya obshchina drevnego mira*. St. Petersburg, 1906. 459 p.).
11. Shil'nikovskaya V.P. *Veliky Ustyug*. Moscow, 1987. 255 p. (in Russian).

Terebikhin Nikolay Mikhailovich

Centre for Comparative Religious Studies and Ethnosemiotics,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

ARCHAIC HERITAGE WITHIN THE LANDSCAPE-TOPOGRAPHICAL SEMIOSPHERE OF THE NORTHERN TOWN

The article studies the manifestation of archaic sacred heritage in the landscape-topographical semiosphere of historical towns in Northern Russia. The author develops a “cosmogonic model of town-planning” and highlights the outstanding role of the myth and “building sacrifice” ritual in the process of construction, maintenance and preservation of the town’s sacred space. The author pays special attention to the study of the “natural frame” elements of the northern town.

Keywords: *archaic heritage, landscape, topography, semiosphere, northern town, myth, ritual, cosmogony, sacred geography, Ancient Rome.*

Контактная информация:

адрес: 162002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;
e-mail: ordo-ad-chao@yandex.ru

Рецензент – Попова Л.Д., доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова